

УДК 343.85

ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЕРАТИВНОГО ПРИКРЫТИЯ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ОБСЛУЖИВАНИЕМ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Агарков Алексей Вячеславович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности
юридического факультета, ВЮИ ФСИН России. Россия, г. Владимир.

E-mail: agarkov2107@rambler.ru

Яськов Дмитрий Викторович,

старший оперуполномоченный оперативного отдела
УФСИН России по Брянской области. Россия, г. Брянск.

E-mail: d-yaskov@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – на основе анализа исторического опыта и современных данных показать актуальность совершенствования теории и практики оперативного прикрытия лиц, осуществляющих хозяйственное обслуживание учреждений УИС. В статье на основе архивных материалов показан этап формирования т.н. «хозобслуги», а также последствия его неэффективного оперативного обслуживания. Указаны основные составы правонарушений, совершаемые осужденными данной категории в настоящее время, сделан вывод о влиянии качества оперативно-розыскной деятельности среди осужденных, выполняющих работы по хозяйственному обслуживанию, на общую оперативную обстановку.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, хозяйственное обслуживание учреждений УИС, осужденный, исправительные учреждения, оперативное обслуживание, оперативноекрытие.

Одним из направлений научного обеспечения оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС) является поиск путей совершенствования деятельности оперативных подразделений УИС на различных объектах (следственные изоляторы, колонии, тюрьмы и др.). Вместе с тем следует признать, что осужденные, находящиеся на каждом из перечисленных объектов, разнородны по своему составу (в первую очередь, по имеющимся неформальным статусам в криминальной иерархии) и потому требуют различных подходов к организации их оперативного обслуживания. В связи с этим мы считаем необходимым рассмотреть категорию осужденных, занятых хозяйственным обслуживанием исправительных учреждений, кроме тюрем (далее – ИУ). К ним мы предлагаем относить осужденных, занятых на работах в столовой исправительного учреждения, банно-прачечном комплексе, магазине для осужденных, клубе, школах и профессиональных училищах, часовнях и мечетях, медицинской части, занимающихся уборкой объектов исправительного учреждения, так называемых «старших дневальных» и «дневальных» отрядов. Проведенный нами опрос, а также личный опыт работы с указанной категорией показывают, что «хозобслуга» выполняет более

широкий спектр функций, нежели те, которые предусмотрены для лиц, оставленных в следственном изоляторе или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию в порядке статьи 77 Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

Заметим, что использование осужденных в качестве «хозобслуги» позволяет администрации исправительных учреждений обеспечивать отбывание лишения свободы в условиях недостаточного количества вольнонаемного, а иногда и аттестованного персонала, при чем подобная схема организации исполнения наказаний давно не является новой. Прототипом существующей системы, по нашему мнению, послужила организация решения проблемы хозяйственного обеспечения ГУЛАГ МВД СССР.

Необходимо отметить, что в 30-е годы XX века осужденные (по терминологии тех лет – заключенные) широко привлекались не только к работам по хозяйственному обслуживанию, но и к выполнению административных, режимных, охранных и даже оперативно-розыскных функций. В качестве наиболее яркого примера приведем следующую цитату:

«Приказ НКВД СССР от 05.11.1936 «О наложении взыскания на врид. начальника 3-го отдела Карагандинского лагеря НКВД тов. К...» (*Фамилии в цитируемом отрывке нами опускаются – А.А., Д.Я.*). Несмотря на неоднократные приказы НКВД, запрещавшие допускать заключенных к агентурно-оперативной работе в 3-х отделах лагерей, врид начальника 3-го отдела Карагандинского лагеря НКВД тов. К. возложил оперативное обслуживание этапа заключенных, направляемых в Дмитлаг, на заключенного В., осужденного по закону от 7/VIII-32 г. к ВМН с заменой 10 годами. В пути следования заключенный В. бежал, захватив выданное ему оружие» [1].

Колонизируя и аккумулируя огромные пространства от Балтийского моря до Чукотки, ГУЛАГ создавал на подведомственных территориях специфическую социальную среду – пространство неволи, напоминающее государство с его характерными признаками – собственной закрытой территорией, наличием власти, судебно-правовой системы, легальным насилием, собственными материальными ресурсами, в том числе т. н. «рабсилой» [6, с. 204-209].

Очевидно, что для функционирования такого сложного механизма необходимы были значительные людские силы. Примером решения этой задачи уже в 40-е годы XX века может послужить особый лагерь № 1 МВД СССР «Минеральный». Основной единицей лагерного комплекса являлось лагерное отделение, в котором могло находиться от восьмисот до трех тысяч заключенных. В каждом отделении было свое управление, состоящее из различных отделов – культурно-воспитательной части (КВЧ), спецчасти, оперчасти и др. Штатная численность персонала отделений составляла порядка 2 600 единиц. Однако штаты были укомплектованы немногим более чем на 55 %. Именно поэтому многие вольнонаемные должности замещали заключенные. Кроме того, при лаготделениях создавались отделения Министерства государственной безопасности СССР, осуществлявшие общее агентурное наблюдение за заключенными. К сентябрю 1949 года для обслуживания особого контингента в лагере были открыты стационар с амбулаторией на 450 коек и центральная больница на 500 коек. Медицинский персонал больницы, как и персонал других медучреждений лагеря, большей частью состоял из заключенных.

Подавляющее большинство заключенных было осуждено по политической 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР. Так, по состоянию на 1 октября 1949 года в лагере содержалось 11 274 заключенных «за измену Родине», 4 158 – «за участие в антисоветских заговорах, антисоветских организациях и группах», 2 124 – «за шпионаж», 1 554 – «за антисоветскую агитацию», 562 – «за террор», 184 – «за контрреволюционный саботаж», 157 заключенных – «за повстанчество и политбандитизм». О соотношении особого контингента и так называемого общего

контингента можно судить по данным за 1 февраля 1953 года: на 27 753 политических заключенных приходился 4 081 «бытовик» [4, с. 29-34].

При этом нельзя забывать, что в первоначальный период создания и развития ГУЛАГ НКВД СССР в 30-е годы XX века перед государством стояла задача скорейшей индустриализации, для решения которой эффективной мерой являлось активное использование труда заключенных в местах лишения свободы. Затем перед народом СССР возникла еще более непростая задача – восстановление народного хозяйства от разрушений Великой Отечественной войны, для чего также максимально использовался ресурс исправительных учреждений.

Суровые условия жизни, требующие от человека выживания и ежедневного изнурительного труда, зачастую на грани человеческих возможностей, заставляли заключенных думать, прежде всего, о собственном самосохранении. В результате каждый осужденный стремился попасть в «хозобслужу», получить вакансии, не связанные с губительными «общими работами». Характерными примерами здесь могут выступить биографии писателей А. Солженицына и Л. Разгона, сумевших занять такие вакансии и впоследствии описавших это в своих произведениях, на которые возможно опираться в научном исследовании как на свидетельства очевидцев.

Работы хозяйственного толка, низовые административно-производственные должности, организация культурно-досуговых мероприятий в лагерях, работа в медицинских частях и т. д. воспринимались всеми осужденными не только как спасение от смерти, но и способ избежать тяжелого труда. Исходя из этого, нетрудно представить, какой контингент осуществлял так называемые хозяйственные функции. Так, среди осужденных по политическим мотивам особую активность в борьбе «за место под солнцем» проявляли группы националистов, сформированных по этническому признаку, готовых к активному сопротивлению, подготовке и совершению побегов [3, с. 122-136].

В результате от эффективности оперативных сотрудников исправительных учреждений системы ГУЛАГа, осуществлявших оперативное прикрытие «хозобслужу», зависело и состояние правопорядка, и выполнение производственного плана, и сохранение жизней не только осужденных, но и служащих лагерей, не говоря уже о пресечении и раскрытии преступлений, ведь заключенные этой категории часто оказывалась в центре преступных событий.

К сожалению, не всегда оперативные сотрудники и их руководство справлялось с названными задачами. Характерный пример из приказа от 26.03.1952 № 00365 МВД СССР по делу о ликвидации группового вооруженного побега заключенных из лаготделения строгого режима УИТЛ и строительства № 16 в Иркутской области: «вновь прибывших заключенных сформировавшаяся бандитская группа подвергла ограблению и избиению, награбленные вещи через работающих в хозобслужу заключенных обменивали на спиртные напитки, наркотики и другие запрещенные предметы; начальник лаготделения майор Егоров попал под влияние бандитов: договаривался с главарями сформировавшейся банды о датах и местах проводимых мероприятий, в том числе обысков» [2].

Кроме того, мартовская амнистия 1953 г. послужила катализатором массовых восстаний и бандитизма в лагерях, так как теперь основной контингент составляли лица, осужденные за особо опасные уголовные преступления. 15.07.1953 начальникам всех УИТЛ, УИТЛК ОИТК Минюста СССР направлена «Ориентировка I управления ГУЛАГА Минюста СССР о вскрытых и ликвидированных бандитских группах среди заключенных в ряде лагерей и колоний». Характерной особенностью формировавшихся преступных групп стал отказ участников от т. н. «воровских традиций», «желание» честно работать и исправляться, что помогало входить в доверие к руководству и оперативным работникам. В результате, члены этих групп добивались назначения на

работу в качестве хозяйственной obsługi и на низовые административно-хозяйственные должности. В дальнейшем группа, под видом борьбы с воровским элементом, пользуясь отсутствием должного контроля, «оказывала помощь лагерной администрации» исключительно в интересах самой преступной группы.

Наиболее тяжелые последствия проявились в Байдачевском лагерном отделении Ныробского ИТЛ, где в лагерных пунктах «Нижний Байдач», «Восточный», «Кремьянная» жилые зоны фактически отданы под влияние преступной группы, при этом в числе арестованных активных участников и главарей оказались агенты и осведомители, от которых оперативные сотрудники хоть и имели сведения об избиениях и ограблениях заключенных, но мер не предпринимали, опасаясь пагубных для себя последствий [5, с. 99-109].

Таким образом, привлечение уголовного рецидива на работу в хозяйственную обслуживание и на низовые административно-производственные должности в лагерях и отсутствие за ними должного оперативного контроля создавало благоприятную обстановку для их преступной деятельности, способствовало возникновению и длительному безнаказанному существованию бандитских групп.

В настоящий момент оперативная обстановка в учреждениях уголовно-исполнительной системы, конечно, заметно более благоприятна как для персонала, так и для спецконтингента. Вместе с тем остается неизменной взаимосвязь эффективности деятельности оперативных подразделений учреждений уголовно-исполнительной системы и состояния законности и правопорядка при исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Анализируя основные правонарушения, допускаемые «хозобслужугой», нам удалось установить, что их составляют:

– хранение предметов, запрещенных Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений (в том числе наркотических средств, средств сотовой связи, алкогольных напитков (а также их изготовление), образцов гражданской одежды, зажигалок и др.);

– нарушения локализации, формы одежды, нарушение правил обращения к сотрудникам исправительного учреждения;

– совершение преступлений, как правило, в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (в основном – участие в их доставке на территорию исправительных учреждений).

Также заметим, что осужденные отрядов по хозяйственному обеспечению, обладая большей, чем иные осужденные, степенью свободы и возможностью контактировать с гражданскими лицами и должностными лицами исправительного учреждения, могут организовывать доставку осужденным запрещенных предметов, в том числе средств мобильной связи и комплектующих к ним, а также передавать информацию о планируемых и подготавливаемых «перебросах» или доставках на режимную территорию запрещенных предметов.

К менее характерным преступлениям, совершаемым осужденными, занятыми хозяйственным обслуживанием учреждений уголовно-исполнительной системы, мы считаем возможным отнести: причинение различной тяжести вреда здоровью (в том числе в отношении сотрудников и иных лиц, посещающих учреждение), совершение преступлений против правосудия (особенно актуально в условиях следственных изоляторов и помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов), возбуждение ненависти или вражды между социальными группами, вымогательство и других преступлений.

Иными словами, эффективно организованное оперативное прикрытие лиц из числа т. н. «хозобслужуги» позволяет как владеть обстановкой среди названной категории осужденных и в общей массы спецконтингента, так и решать основные

задачи оперативно-розыскной деятельности в учреждении. По нашему мнению, оперативно-розыскная деятельность, осуществляемая среди лиц рассматриваемой категории, вносит значимую часть в общий результат – стабильную и управляемую оперативную обстановку в учреждении. Таким образом, мы считаем важным еще раз подчеркнуть необходимость как правильной организации оперативного прикрытия лиц, занимающихся хозяйственным обслуживанием учреждений уголовно-исполнительной системы, так и научного обеспечения указанной деятельности.

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. Р-9401сч. Оп. 1а. Т. 1. Д. 9. Л. 214.
2. Архив Информационного центра МВД по Марий Эл. Арх. 68. Д. 7. Приказы ОИТК МВД СССР за 1952 г. Л. 11–12.
3. Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) Статья 2. «Паразитическое население» и борьба за ресурсы выживания. (1945-1947 гг.) // Общественные науки и современность. 2004. № 6.
4. Пилявец Ю. Г., Журавлева Н. Л. Из истории особого лагеря № 1 МВД СССР «Минеральный»: 1948–1954 годы. Ведомости уголовно-исполнительной системы № 2/2016.
5. Сидоркин А. И. Особенности борьбы с бандитизмом в местах лишения свободы в 1930-1950-е гг. // Lex Russica. 2015. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-borby-s-banditizmom-v-mestah-lisheniya-svobody-v-1930-1950-e-gg> (дата обращения: 10.11.2021).
6. Удовенко И. В. Пространство неволи: ГУЛАГ и его социум. // Самарский научный вестник. 2020. Т.9, № 2 (31).